

УДК 811.512.145'161.1'367.633

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Алиева В. Н.

*Таврическая академия ФГАОУ «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»*

E-mail: vasfiye.ali@gmail.com

В данной статье анализируются особенности классификации и образования послелогов и предлогов в крымскотатарском и русском языках. Отмечается, что послеложное управление в тюркских языках отличается своеобразием, поскольку послелог не обладает в полной мере семантической самостоятельностью. В результате перехода слова из одной части речи в другую (диахронной трансформации) исходное слово и трансформант образуют функциональные омонимы. Данные единицы мы определяем как генетически родственные слова, состоящие из исходного слова и трансформанта, имеющие, как правило, одинаковый звуковой (в большинстве случаев – и графический) облик, но отличающиеся комплексом дифференциальных признаков.

Ключевые слова: послелог, предлог, диахронная трансформация, эмиграционный потенциал, иммиграционный потенциал, препозиционализация, послеложное управление.

ВВЕДЕНИЕ

Объектом настоящей работы являются часть послелогов в крымскотатарском языке и предлоги, образованные путём диахронной трансформации в русском языке.

За последние годы тюркологами проделан значительный объём работы по изучению категории послелогов (см. научные труды Н. А. Баскакова, Н. К. Дмитриева, Ф. Р. Зейналова, В. А. Исенгалиевой, А. Н. Кононова, А. А. Кокляновой, Дж. Мураталиевой, Т. М. Тошакковой, Х.-М. И. Ходжилаева и др.), однако отметим, что в крымскотатарском языке данная проблема специально не исследовалась.

Несмотря на то что русские предлоги были объектом специального изучения (см. работы Н. И. Астафьевой, В. С. Бондарко, Н. И. Букатевича, И. Р. Выхованца, Ю. Г. Скибы, В. М. Глухих, И. М. Ермоленко, П. С. Жгенти, Г. Н. Золотовой, Е. П. Калечиц, Н. А. Каламовой, А. М. Финкеля, Е. Т. Черкасовой; функционально-грамматическое описание русских предложных единиц М. В. Всеволодовой, О. В. Кукушкиной, А. А. Поликарпова и монографию З. Д. Поповой, изданных в последнее время), они исследованы недостаточно. Причин этого, на наш взгляд, немало: предлоги и послелог относятся к сфере служебной лексики, но по частотности употребления и по способности участвовать в передаче разнообразных отношений объективной действительности занимают особое положение.

Цель статьи – рассмотреть процессы образования и классификации послелогов и предлогов в крымскотатарском и русском языках. Принципиальной разницы между грамматическими функциями исследуемых единиц не наблюдается. Функционирование послелогов в крымскотатарском языке связано со словопорядком в предложе-

нии: подлежащее – дополнение – сказуемое; в русском языке, где преобладает категория предлога, наблюдается иная схема: подлежащее – сказуемое – дополнение.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Послелогии, как известно, употребляются во всех тюркских языках, основной базой для них послужили знаменательные слова, которые, постепенно грамматикализуясь, утратили свою самостоятельность. Послелогии могли образоваться не от каждого знаменательного слова: прежде всего это были лексемы со сравнительно широким значением, в семантике которых была заложена релятивность; часть послелогов возникла из слов со значением названий человеческого тела, его одежды и повседневной деятельности (например, *бурун – нос, этек – подол* и другие) [15, с. 12; 2, с. 9].

В результате утраты знаменательности и усиления формальной стороны слова, перешедшие в послелог, становятся выразителями синтаксических отношений, подобных отношениям, выражаемым падежными аффиксами. Это сходство послужило в своё время основанием для отождествления послелогов и падежных показателей. Ещё в «Общей грамматике турецко-татарского языка» М. Казем-Бека к послелогии относят и «буквы или слоги, характеризующие падежи, а также служебные имена, вспомогательную частицу» [6, с. 356]. Иосиф Гиганов около двух веков назад, описывая татарские послелогии, «послеположения» по его терминологии, относил к ним части, которые, употребляясь после имён, местоимений, причастий, «управляли падежами оных» [3, с. 178]. В состав простых «послеположений» наряду с послелогии он включал и аффиксы падежей: дательного, местного, исходного [3, с. 186].

Являясь средством связи слов в предложении и выражая разную соотносённость между членами предложения (объектную, обстоятельственную и др.), послелогии тесно связаны с падежной системой. Однако послелог – это слово, обладающее специфическим лексическим значением. В предложении единицы данной категории выступают в сочетании с каким-либо словом, чаще с именной частью речи, образуя с ним единый член предложения и намного увеличивая «возможность выражения различных нюансов значений» [12, с. 17]. Ряд послелогов, теряя своё лексическое значение, максимально приближается по своим синтаксическим признакам к падежным аффиксам, тем самым увеличивая число «агглютинативных прилеп», а значит, и укрепляя агглютинативный строй языка. Развитие падежных аффиксов из послелогов – явление, характерное не только для тюркских языков. П. С. Кузнецов в «Очерках по морфологии праславянского языка» связывает происхождение падежных формантов со служебными частями речи [9, с. 43–48].

В тюркологии существует несколько классификаций послелогов, которые производятся по следующим признакам: этимологическая природа послелогов; степень их грамматикализации; падежное управление послелогов, то есть учитываются лексико-семантические, морфологические и синтаксические особенности данных слов.

Послеложное управление в тюркских языках отличается своеобразием, поскольку послелогии не обладают в полной мере семантической самостоятельностью, а значит, не имеют возможности образовать словосочетание. Однако послелогии являются тем

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

компонентом, который, управляя словами в определённой падежной форме (в крымскотатарском языке – это основной падеж и родительный падеж местоимений, дательно-направительный и исходный падежи), связывает их с членами предложения. Подчинённая часть словосочетания выражается именами и субстантивированными словами, управляющая часть – спрягаемыми глаголами, глагольными формами и послелогоми. Как известно, способность к управлению в меньшей степени присуща именам, наречиям и местоимениям. Отметим, что именные словосочетания с подобным видом управления наблюдаются реже, чем глагольные.

Послеложное управление в крымскотатарском языке – распространённое языковое явление. Послелог в данном словосочетании является важнейшим элементом, что не мешает ему оставаться вспомогательным средством, так как основное значение выражается посредством семантики и грамматической формы стержневого компонента. Исходя из этого, некоторые лингвисты считают, что к вопросу «об управлении стержневых слов послелогоми следует подходить с некоторой осторожностью» [11, с. 11]. Вероятнее всего, данные слова, будучи самостоятельными и полными, обладали функцией управления каким-либо падежом, подобную способность они сохранили и в служебной форме. При этом наблюдается своеобразное перераспределение: слово-доминанта, подчиняющее и требующее определённого падежа имени существительного, выступает в качестве вспомогательного средства (послелога), в котором первичная форма сохранилась в застывшем виде, содержание же полностью изменилось [11, с. 12]. Таким образом, исключение словосочетаний со служебными словами (в данном случае – послелогоми) «представляется нецелесообразным: 1) поскольку служебные слова признаются *словами*; 2) поскольку граница между ними и знаменательными часто является зыбкой при процессе грамматикализации знаменательных слов в служебные» [4, с. 5–6].

По мнению А. С. Аманжолова, «становление категории управления связано, в первую очередь, со специализацией винительного падежа в качестве падежа прямого управления при переходных глаголах и, соответственно, с выделением объектных связей из определительно-обстоятельственных связей... В памятниках древнетюркской письменности уже обнаруживается дифференциация объектных и определительно-обстоятельственных связей...» [1, с. 16]. В памятниках в честь Тоньюкука уже функционируют сочетания с многозначным послелогом *uza* [5, с. 66]. Таким образом, послелогои употребляются после управляемых ими слов и служат для выражения объектно-субъектных и определительно-обстоятельственных отношений, которые в крымскотатарском языке мало изучены.

При анализе тюркских послелогов предлагаются разные классификации, которые учитывают несколько дополняющих друг друга признаков: по особенностям падежного управления и по степени грамматикализации (устойчивые, неустойчивые, послелого-аффиксы), по структуре (простые, производные, сложные) и другие. Исходя из генетических и морфологических особенностей крымскотатарских послелогов, мы выделим три группы: а) собственно послелогои (послелогои древнего происхождения); б) отыменные послелогои; в) отглагольные послелогои.

Первая группа послелогов настолько видоизменилась, что её происхождение трудно восстановить. Эти языковые единицы характеризуются потерей реальной семантики, предельным многообразием передаваемых значений, по сути они относятся к формально-грамматическим элементам, наиболее приближённым к падежным показателям. Это послелого древнего происхождения, которые совмещают самые разные значения, раскрывающиеся в составе словосочетаний. Собственно послелого тесно связаны с падежной семантикой; глагол или отглагольное имя управляет послелогом, а тот, в свою очередь, управляет падежной формой. Функционально сближаясь с падежными аффиксами, данные послелого дублируют их: *отъмекалмагъакеттим* – *отъмекалмагъичюнкеттим* (пошёл для того, чтобы купить / взять хлеб).

В крымскотатарском языке выделяются следующие собственно послелого: *иле/-ле/-нен; ичюн, сайын, таба, бери/берли, киби, отьрю*.

Отымённые послелого, образованные от имён существительных, прилагательных, местоимений и наречий, генетически связаны с именами и до настоящего времени функционируют не только в качестве послелого, но и как знаменательное слово. Это следующие послелого: *сонъ/сонъра, эвель, къадар, якъын, узере/узъре, башкъа, бою, боюнджа, бурун, акъкъында*.

В этой группе мы рассматриваем и так называемые служебные имена, которые по терминологии некоторых лингвистов – послелого-имена (А. Н. Кононов), по определению Н. К. Дмитриева – служебные имена, по описанию Н. А. Баскакова – изолированные формы имён существительных, входящих в разряд послелогов. Для них характерно то, что они «в служебном (грамматикализированном) использовании, органически сливаясь с падежом и растворяя в чисто грамматических функциях своё лексическое значение, превращаются в формально-грамматический элемент, осложняющий значение падежа особыми, главным образом, пространственными значениями» [7, с. 328].

В процессе закрепления данных слов в служебной функции происходило абстрагирование значения, но оно не становилось полностью отвлечённым: его «отягощала» прежняя вещественность; «лексические значения имён, устойчиво выполняющие служебные функции, не утрачиваются, а лишь перестают быть центрами смысловой структуры» [16, с. 57]. Первоначально конкретное значение некоторых служебных имён было связано с обозначением частей тела и органов человека; они явились основой выражения пространственной ориентации. По ассоциации сходства и смежности названия частей тела переносились на предметы, окружающие людей. Для того чтобы сообщить о местонахождении предмета где-либо, за чем-либо, использовалась, к примеру, лексема *аркъасында* («за спиной кого-, чего-либо»). В других случаях стали говорить о «боке», «переде», «животе» предмета (горы, дома, реки и другие). В перечень подобных слов включаются названия частей тела и органов человека (*баш* – голова, *аякъ* – нога, *ич* – нутро, внутренности, *бурун* – нос и др.). Они дополняются элементами одежды и особенностями человеческой деятельности (*этек* – подол, *чет* – край, сторона, *удж* – край чего-либо, конец, острый [острый конец], *бой* – рост, протяжённость, длина, размер), а также группой слов со значением предела, повода, меры.

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Со временем локальные значения дополнились темпоральными: *алд* – перед; местонахождение; в современном крымскотатарском языке данное слово способно выражать и временные оттенки значений (раньше, за..., до...); ср.: *эвалдында* – перед домом; *эксааталдында* – за два часа до...; *эвининьичинде* – в доме; *бирйылыныньичинде* – за год. Образование новой лексической единицы в целом не затрагивает существования исходной лексемы, которая в своём большинстве продолжает употребляться в языке параллельно трансформанту.

Поскольку лексические значения данных слов-трансформантов тесным образом связаны с грамматическими значениями падежных аффиксов, то сочетаются они только с пространственными падежами: дательным, местным, исходным. В отличие от собственно послелогов синтаксическая связь с управляемым именем оформляется с помощью изафетной конструкции. Являясь вторым компонентом подобного сочетания, в грамматических падежах они выполняют именную функцию, а в пространственных падежах выступают в качестве служебного слова, являясь по форме существительными, а по функции – послелогоми. Таким образом, эта конструкция состоит из имени-послелога, оформленного посредством аффиксов (принадлежности и падежного): *Александровканынь четинде теренбирчукъуркъаздылар* (Йыл.). – На окраине Александровки вырыли глубокую яму; *Орман этегинде ерлешкен, кумескибикучюк тахта баракларымызда собалар гурюль – гурюляна* (Йыл.). – Печи ярко горят в наших маленьких, дощатых, подобных куриным бараках, расположенных у подножия леса.

Можно предположить, что образование послелогов отглагольного происхождения приблизительно такое же, как и у отымённых послелогов. Однако набор семантических признаков иной, так как это слова, в которых возможно развитие значений направления, цели, причины и др.

Кроме того, для отымённых послелогов характерно управление основным и родительным падежами, а для отглагольных послелогов – винительным, дательным и исходным.

Тем не менее «чёткой границы между именными и глагольными послелогоми нет вследствие того, что глагольные формы восходят к именам действия и так или иначе проявляют признаки грамматической природы» [16, с. 54–55].

Отглагольные послелогои представляют собой застывшие формы деепричастий, которые восходят к глаголам, широко употребляемым в современных тюркских языках. Большинство послелогов рунических памятников (ТРИ) VII–IX вв. отглагольного происхождения, с которым они сохраняют связь, поэтому прямое дополнение оформляется основным и винительным падежами [8, с. 201]. В крымскотатарском языке это: *коре, къаран, къарагъанда, бакъмаздан, бакъып, бакъкъанда, къаршы, догъру, отърю, даир*.

Основное отличие собственно послелогов древнего происхождения от двух других групп в том, что первые выступают только в функции служебного слова (полная грамматикализация, потеря лексической значимости), тогда как отымённые и отглагольные послелогои сосуществуют наряду со знаменательными формами (лек-

сико-грамматические омонимы послелогов). Образование послелогов из именных и глагольных основ – характерная особенность крымскотатарских послелогов.

Наблюдения над диахронной трансформацией, хотя и не имеют системного характера, всё-таки позволяют видеть общую направленность этого явления как исторического процесса. Мы воспользуемся результатами работы, проделанной лингвистами в этом направлении, и представим сложившуюся систему послелогов и предлогов, чтобы на следующем этапе рассмотреть особенности функционирования послелогов и производных предлогов, сопоставив их с исходными формами.

Обогащение производных предлогов в русском языке происходит, как известно, за счёт наречий, имён существительных и деепричастий. В зависимости от того, с какой частью речи предлоги имеют словообразовательную связь, они делятся на три группы: отадвербиальные (отнаречные), отымённые и отглагольные.

Для выражения новых явлений, понятий, отношений в языке существуют специальные средства. Одним из способов приспособления языка к выполнению новых задач является переходность как свойство языковой системы в целом. Исследуя этот процесс, лингвисты использовали разные термины для его обозначения: «переход» (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, Г. П. Павский, В. В. Виноградов, А. Я. Баудер и др.), «переходность» (А. С. Бедняков, В. В. Бабайцева, Н. А. Каламова, М. Ф. Лукин, Е. Н. Сидоренко и др.), «диахронная трансформация» (В. Н. Мигирин и др.), «транспозиция» (О. В. Скороглядова, О. М. Ким), «конверсия» (А. И. Смирницкий и др.). В последние годы используются чаще два первых термина, при этом в узком значении термина переходность понимается как свойство языковой системы в целом, а переход – как конкретный факт изменения лексико-грамматических свойств исходного слова и приобретение дифференциальных признаков новой части речи, то есть учитываются диахронные преобразования в слове, результатом которых будет появление функциональных омонимов. В результате перехода слова из одной части речи в другую (диахронной трансформации) исходное слово и трансформант образуют функциональные омонимы. Данные единицы мы определяем как генетически родственные слова, состоящие из исходного слова и трансформанта, имеющие, как правило, одинаковый звуковой (в большинстве случаев – и графический) облик, но отличающиеся комплексом дифференциальных признаков. Функциональные омонимы, представляющие собой совокупность слов, пополняющих данную часть речи, образуют её иммиграционный потенциал; совокупность слов, используемых в качестве исходных при переходе в другие части речи, образует её эмиграционный потенциал [Мигирин В. Н., 1971].

Иммиграционный потенциал могут иметь практически все части речи, за исключением глаголов (если не учитывать переход имён существительных в инфинитив, произошедший в дописьменный период развития языка) и имён числительных (к трансформантам причисляют только числительные *пять* и *сорок*, образдревнейшим путём перехода из имён существительных). Рассмотрим предлоги, образованные путём диахронной трансформации от разных частей речи: наречий (отадвербиальные предлоги), имён существительных (отымённые предлоги) и формы глаголов – деепричастий (отглагольные предлоги).

Формирование производных предлогов русского языка происходило и происходит за счёт препозиционализации. В предлоги перешло большое количество наречий. Предлоги наречного происхождения в русском языке являются древнейшим слоем производных предлогов. «Преобладающая часть предлогов этого типа русским языком унаследована из общеславянского фонда. Специфика образования наречных предлогов состоит в том, что по пути от имени к предлогу соответствующие формы имён существительных проходят обязательную ступень онаречивания, путь развития в этих случаях был следующий: существительное – наречие – предлог» [15, с. 26–27]. Препозиционализация наречий происходит в том случае, если наречие теряет связь с глаголом и начинает употребляться при имени существительном. Сравним:

1. *Троллейбус прошёл (как?) **мимо**, не останавливаясь.*
2. *Троллейбус прошёл **мимо** (чего?) остановки, едва притормозив.*
3. *Я зайду к тебе (когда?) **после**.*
4. *Я зайду к тебе **после** (чего?) праздника.*

В первом и третьем предложениях выделены наречия. Они примыкают к глаголам, выступают в роли обстоятельств. Во втором и третьем предложениях – предлоги, образованные в результате препозиционализации. Они превратились в служебные слова, используются при имени существительном, требуют его постановки в определённом падеже (то есть управляют им). Исходное наречие и трансформант-предлог образуют функциональные омонимы (омопару). В числе причин перехода наречий в предлоги выделим следующие: способность передавать те или иные отношения объективной действительности (временные, пространственные и др.), наличие у исходной формы и функционального омонима «семантических мостиков», то есть способности наречия и предложного сочетания имени существительного (местоимения) передавать одинаковые отношения: временные, пространственные и т. д.; комплетивность наречной лексемы, восполнение которой «переводит» слово из полнозначного в служебное – предлог. Таким образом, лексическая полнота наречий, их автосемантичность являются фактором, препятствующим переходу в предлоги, наоборот: высокая абстрактность, потребность в восполнении значения наречий способствуют диахронной трансформации [Сидоренко И. Я., 1992].

Переход имён существительных в предлоги – один из интересных и дискуссионных процессов. По мнению Е. Т. Черкасовой, в разряд предлогов переходят лишь те существительные, в которых содержится «оттенок релятивности, а также существительные, в значении которых при определённых условиях такой оттенок развивается» [14, с. 76]. В имени существительном при его переходе в предлоги происходят следующие изменения: исходное слово при диахронной трансформации теряет номинативность (значение предметности) и становится средством выражения релятивности. В семантике слова происходят существенные сдвиги. На базе значения имени существительного развивается значение предлога. Это качественно новое значение, не соотносительное с лексическим. Значение в целом передаёт не предлог, а сочетание предлога с последующим именем. Однако отметим, что именные предлоги более лексичны, так как причинные, целевые и др. отношения подчёркнуты лексическим

значением именной основы (*по причине, с целью, во время* и др.). Данные предлоги наиболее активно используются в научной, публицистической и социально-деловой речи.

Например: **В силу отсутствия противоправности такое деяние не является преступлением.** – *Следует отметить, что конкурсы на получение прав недропользования в целях разработки руд проводятся только для государственных предприятий [Государство и право].*

Группа отглагольных предлогов немногочисленна: *благодаря, спустя, включая, исключая, не считая, судя по* и др. Объяснение возможности перехода деепричастия в предлоги, видимо, следует искать в контаминационном характере этого лексико-грамматического класса слов, совмещении в них некоторых признаков глаголов и наречий. Именно наречный компонент деепричастий даёт возможность этому классу слов получить право на переход в предлоги.

ВЫВОДЫ

Изучение данной служебной части речи в русском и крымскотатарском языках связано с понятием основного словарного фонда: простые первообразные предлоги и послелого древнего происхождения относятся к основному словарному фонду и имеют общенародный характер. Предлоги и послелого отличаются исключительной устойчивостью, например, в крымскотатарском языке такие послелого, как *сайын, ичюн, таба*, сохраняются на протяжении ряда эпох. Однако со временем может измениться падежное управление послелога, появляются новые слова-послелого типа *меселесинде, негизинде* и др., то есть систему послелогов нельзя считать застывшей и навсегда сложившейся, рассматривать её, как и предлоги русского языка, следует в динамике её развития.

Список литературы

1. Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников / А. С. Аманжолов. – М.: Наука, 1969. – 103 с.
2. Базарова Д. Х. Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках: Автореф. дис... канд. филол. наук / Д. Х. Базарова. – Ташкент, 1967. – 21 с.
3. Гиганов И. Грамматика татарского языка / И. Гиганов. – СПб., 1801. – 188 с.
4. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов / В. М. Жирмунский. – М.: Наука, 1976. – 696 с.
5. Ибрагимова Ф. Именное управление в современном узбекском литературном языке: Автореф. дис... канд. филол. наук / Ф. Ибрагимова. – Ташкент, 1972. – 28 с.
6. Казем-Бек М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка / М. А. Казем-Бек. – Казань, 1846. – 457 с.
7. Кононов А. Н. Послелого // Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 312–345.
8. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
9. Кузнецов П. С. Историческая грамматика: Морфология / П. С. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1953. – 306 с.

ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЛЕЛОГОВ И ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКАХ

10. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. – Бельцы, 1971. – 199 с.
11. Сеидов Ю. Словосочетания в азербайджанском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук / Ю. Сеидов. – Баку, 1965. – 28 с.
12. Серебренников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков / Б. А. Серебренников. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 8–26.
13. Сидоренко И. Я. Эмиграционный трансформационный потенциал русских наречий в синхронном освещении: Автореф. дис... канд. филол. наук / И. Я. Сидоренко. – Орёл, 1992. – 19 с.
14. Черкасова Е. Т. К изучению образования русских отымённых предлогов // Исследования по грамматике русского литературного языка / Е. Т. Черкасова. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 73–139.
15. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
16. Щербак А. М. Служебные части речи. Послелоги // Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречие, служебные части речи, изобразительные слова) / А. М. Щербак. – М.: Наука, 1987. – С. 50–92.

Aliyeva V. N. Meaning and Specific Usage of Postpositions and Derivative Prepositions in the Crimean Tatar and Modern Russian languages / V. N. Aliyeva // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Philological Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 3. – P. 353–361.

The article reviews peculiarities of forming and classification of postpositions and prepositions in the Crimean Tatar and Russian languages. It is noted that postpositions in Turkic languages are governed in a specific way because when a word changes from one part of speech to another (diachronic transformation), the source word and transformant form functional homonyms.

The units consisting of source word and transformant are determined as genetically related words. As a rule they are phonetically and in most cases graphically similar but have a different set of differential features.

Keywords: postpositions, prepositions, diachronic transformation, emigrational potential, immigrational potential, prepositionalization, postposition governing.